

УДК 165

Спор об истинностной проводимости деонтологического обоснования: критика аргумента от эпистемической обделенности

Галухин Андрей Владимирович

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры истории и философии,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
117997, Российская Федерация, Москва, пер. Стремянный, 36;
e-mail: mystolbard@gmail.com

Аннотация

В статье представлен критический анализ аргумента от эпистемической обделенности, выдвинутого для доказательства эпистемологической несостоятельности деонтологической концепции обоснования (ДКО). Используя в качестве примеров ситуации формирования убеждений в условиях культурной изоляции и когнитивной ограниченности, У.Олстон пытается доказать, что деонтологическое обоснование не обеспечивает на регулярной основе раскрытие надежных индикаторов истинности, - убеждения можно считать деонтологически обоснованными, поскольку не нарушены никакие интеллектуальные обязательства, объем которых не превышает то, что разумно было бы ожидать от субъекта, но такое обоснование не является истинностно-проводимым. Показано, что аргумент этот базируется на ряде сомнительных, даже амбивалентных допущений, допускает неоправданные концептуальные трансформации и в целом не достигает своей цели. Раскрывается смысл ряда стандартных возражений и предлагаются новые аргументы против негативных выводов, которые сделал Олстон из анализа практики формирования убеждений в парадигматических ситуациях, какой является ситуация культурной изоляции. Одна из линий критики аргумента против ДКО развивается на основе представления о необходимой связи субъективных обязательств с объективными и указывает на проблему, выраженную в форме дилеммы: либо представитель культурно изолированного сообщества, поддерживая убеждений на сомнительных основаниях, не справляется со статусом рационального агента, индуцирующего объективные «ролевые обязательства», но тогда его нельзя признать деонтологически безупречным, либо субъект невинно иррационален, т.е. не обладает необходимыми атрибутами рациональной агентивности, презумпция которой входит в условия назначения обязательств, - в таком случае применение стандартов деонтических оценок никак не обосновано. Установление же деонтологической обоснованности исключительно за счет выделения таких оправдывающих обстоятельств, которые препятствуют формированию убеждений на эпистемически адекватной основе, показывает, что Олстон, применяя деонтически-оценочный концепт безупречности формально, допускает такие дисклеймеры ответственности, которые не только сокращают объем обязательств, но лишают их эпистемически-нормативного содержания. Условия деонтологического обоснования Олстон определяет в терминах выполнения когнитивных обязательств, однако применение

этих условий к ситуациям, представляемым как пример нарушения истинностной проводимости, вскрывает сложную дилемму, которая указывает на несогласованность посылок и допущений, лежащих в основе аргумента. Построенный так аргумент от эпистемической обделенности не обеспечивает демонстрации эпистемологической несостоятельности деонтологической концепции обоснования.

Для цитирования в научных исследованиях

Галухин А.В. Спор об истинностной проводимости деонтологического обоснования: критика аргумента от эпистемической обделенности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Том 13. № 5А. С. 18-46.

Ключевые слова

Эпистемология, деонтологическая концепция обоснования, познавательные нормы, интеллектуальные обязательства, истинностная проводимость, рациональность, агентивность, эпистемическая обделенность, убеждение, знание.

Введение

Концептуально общим моментом для различных теорий и программ эпистемологии (за исключением, разве что, тех, которые развиваются в парадигме натуралистического экстернализма) является признание того, что понятие эпистемического обоснования - это понятие с нормативным содержанием, и содержание это может быть раскрыто посредством норм и «правил для руководства ума» и выражено в форме критериев оценки качества убеждений, исходя из условий обращения их в знание (убеждения образуют доксистически-содержательную основу знания при наличии надежных индикаторов истинности, выявляемых в порядке обоснования). Как заметили Поллок и Круз, «эпистемическое обоснование управляет тем, во что вы должны или не должны верить. Правила, описывающие обстоятельства, при которых поддерживать убеждения допустимо с познавательной точки зрения, называются эпистемическими нормами» [Pollock and Cruz, 1999, 12]. Эпистемические нормы служат регулятивной основой деятельности, посредством которой вырабатывается или отбирается содержание пропозициональных установок, и позволяют оценивать эти установки, прежде всего, убеждения, исходя из того, насколько формирование и поддержание этих установок способствует достижению эпистемических целей, таких как установление истины и избегание ошибок, а в пределе – формирование и рост знания.

Нормативно-оценочный статус убеждений – соответствие их нормам, регулирующим и оптимизирующей условия достижения эпистемически значимых целей, можно определять как в *деонтологическом*, так и в *недеонтологическом* смысле, что соответствующим образом отражается в подходах к экспликации понятия обоснования [Steup, 1996, с. 69].

Деонтологический подход формируется на основе одного из критериологически-конструктивных способов экспликации понятия обоснования, который предполагает использование при определении статуса обоснованности *деонтически-оценочных универсалий*, для выражения которых используются такие термины как «долг», «ответственность», «безупречность», а другой ряд представлен терминами «императив», «разрешение», «запрещение», - интеграция в эпистемологических дискурсах деонтически-оценочных универсалий, которые ориентируют на выявление показателей того, насколько безупречно

субъект следует своему долгу познающего агента и выполняет обязательства, вытекающие из эпистемических норм, позволила сформировать категориальную матрицу деонтологического подхода к определению условий, факторов обоснования и критериев обоснованности. Эпистемологическая альтернатива деонтологической концептуализации обоснования представлена комплексом объективно-оценочных подходов, которые не связывают достижение обоснованности с такими деонтически значимыми показателями, как исполнение познавательного долга, ответственное отношение к интеллектуальным обязательствам или безупречность в плане следования обязывающим нормам, как их понимает субъект познания, но вводят иные – недеонтические оценочные критерии для определения того, насколько пропозициональные установки являются «добротными», «желательными», «качественными», «приемлемыми» с точки зрения увеличения истинностного содержания и расширения доксистического фундамента знания.

Контуры эпистемико-деонтологического подхода, как показывает А.Плантинга [Plantinga, 1993, 11-14], уже отчетливо проступают в концепциях Декарта и Локка: допуская, что объем формируемых знаний и качество культивируемых убеждений зависят от надлежащего использования познавательных способностей (к числу их относится, например, рациональная интуиция в картезианстве), которыми от природы или по замыслу Творца наделен человек, эти философы усматривали долг человека в том, чтобы правильно использовать свои способности, направляя их к тому благу, для достижения которого они предназначены. Для Декарта, например, выносить суждения на основе положений, истинность которых не представляется уму настолько ясно и отчетливо, что не вызывает никакого сомнения, является не только нарушением правила для руководства ума, но и предосудительным злоупотреблением той «свободой выбора, которая дана человеку для того, чтобы не соглашаться с сомнительными вещами и таким образом избегать заблуждения» [Descartes, 1998, с. 85]; для Локка верить во что-либо без каких-либо оснований, значит нарушать долг разумного существа, которое «не ищет истины, как обязан это делать, и не выполняет долга послушания своему Творцу, который желает, чтобы человек пользовался своими способностями различения, данными ему Творцом, чтобы предохранить его от ошибок и заблуждений» [Локк, 1985, с. 168]. Так открывалось деонтическое измерение познавательной и доксистически-продуктивной активности, в пространстве которого эпистемические достоинства убеждений определялись в функционально-производной зависимости от ответственного отношения человека к тому, в чем состоит долг разумного существа, наделенного способностями к познанию. Принципы эпистемической деонтологии определенным образом были адаптированы к задачам концептуализации обоснования с позиций интернализма в программах современной нормативной эпистемологии. Так, в ряде эпистемологических концепций (таких, например, как концепции Р.Чизома, К.Гине, У.Клиффорда, С.Коэна, Л.БонЖура и М.Стиапа), инаугурация принципов деонтологического подхода выразилась в принятии и развитии основополагающего допущения, что условия обоснования и критерии обоснованности могут быть адекватно выражены посредством деонтических терминов, таких, как «исполнение эпистемического долга», «ненарушение интеллектуальных обязательств», а также «ответственность», «безупречность» или «непредосудительность» в плане того, как субъект подходит к формированию и поддержанию собственных убеждений, когда телеологически общезначимым ограничением является культивирование только таких убеждений, которые являются истинными и могут формировать доксистическую основу знания. Соответственно, система деонтологических критериев обоснованности выстраивается в парадигму, основанием которой

служит представлением, что убеждения следует считать эпистемически обоснованными, если (и только если) при формировании и поддержании этих убеждений субъект следует «императивам», «разрешениям» или «запретам», установленным, исходя из норм, регулирующих доксистическую сферу познавательного целесообразным образом.

Несмотря на то, что идеи эпистемического деонтологизма получили преимущественное развитие в интерналистских программах эпистемологии, деонтологическая концепция обоснования стала объектом систематической критики со стороны ряда эпистемологов: одна линия критики обозначилась в развитии аргументов против доксистического волюнтаризма – допущения эффективной контролируемости убеждений [Галухин, 2024], другая – в демонстрации того, что обоснованность по деонтологическим критериям допускает нарушение принципа истинностной проводимости, выражающего одно из базовых требований, которым должно удовлетворять эпистемическое обоснование.

Основная цель данной работы состоит в том, чтобы произвести анализ и оценить убедительность одного из основных аргументов, используемых в рамках этой второй линии критики деонтологической концепции обоснования (далее - ДКО), а именно – аргумента от «эпистемической обделенности» (выражение Л.БонЖура [BonJour and Sosa, 2003, с. 176]). Аргумент этот демонстрирует, что деонтологическое обоснование является в эпистемологическом смысле несостоятельным, поскольку не обеспечивает на регулярной основе раскрытие надежных индикаторов истинности убеждений, - обоснованность по деонтологическим критериям допускает нарушение принципа истинностной проводимости, выражающего одно из базовых требований, которым должно удовлетворять эпистемическое обоснование.

Аргумент от эпистемической обделенности рассматривается в оригинальном изложении, которое представил У. Олстон, выступившей с последовательной критикой ДКО. Общий смысл выдвинутого Олстоном аргумента заключается в том, что «деонтологическое обоснование не дает нам того, чего мы ожидаем от эпистемического обоснования. Самый серьезный недостаток заключается в том, что оно не сцепляет должным образом убеждения с адекватным, продвигающим к истине основанием. Может быть так, что я сделал все, что было бы разумно ожидать от меня в плане управления и развития моей доксистической жизни, но все еще придерживаюсь убеждений на совершенно неадекватных основаниях» [Alston 1989, с. 95]. Для демонстрации вывода об эпистемологической несостоятельности деонтологического обоснования Олстон представляет парадигматические ситуации (типа ситуации формирования убеждений на основе традиции в условиях культурно изолированного сообщества), которые, как он полагает, свидетельствуют о том, что деонтологическая обоснованность оказывается совместимой с положением, когда убеждения формируются и поддерживаются на основе, которая не является эпистемически адекватной, т.е. не позволяет заключить к вероятной истинности убеждений.

Анализ и критика аргумента Олстона против ДКО в данной работе будут опираться на деконструкцию представления о такого рода ситуациях, к классу которых относится ситуация культурной изоляции, и переоценку их демонстративной значимости; основные задачи состоят в том, чтобы исследовать основания стандартных возражений против аргумента от эпистемической обделенности и представить новые аргументы против негативных выводов, которые сделал Олстон из анализа практики формирования убеждений в парадигматических ситуациях, рассматриваемых как примеры расхождения деонтологической обоснованности с условиями истинностной проводимости. Опосредованным образом будут показаны

возможности реабилитации эпистемологического статуса деонтологического обоснования.

Канонические формулы определения условий деонтологического обоснования

Анализируя концептуальные основания деонтологического подхода к обоснованию, У. Олстон выделяет основные модусы оценочной квалификации убеждения В, которые наиболее характерно отражают применение деонтологических критериев обоснования:

- Убеждение В является *допустимым* (субъект не обязан воздерживаться от принятия за истину того, что составляет предмет убеждения В).
- Убеждение В формируется и поддерживается *ответственным* образом.
- В каузальной истории В отсутствуют *нарушения интеллектуальных обязательств* [Alston, 2006, с. 174].

Олстон выделяет *«требование, запрет и разрешение»* как основные деонтологические термины, *обязательство* и *долг* как разновидности требования, а также *ответственность, предосудительность, достоинство порицания или одобрения, заслуженность, безупречность* и т.д. как нормативные последствия ситуации агента в отношении того, что требуется, запрещается или разрешается [Alston, 1988, с. 257]. Если за основу определения принципа обоснованности брать выделенные Олстоном деонтологические понятия, выражающие *императивы, проскрипции и лицензии*, и оценивать эпистемический статус убеждения относительно того, насколько культивирование этого убеждения соответствует требованиям (S должен полагать, что p), запретам (S не следует полагать, что p) или разрешениям (S не обязан воздерживаться от того, чтобы полагать, что p), каноническая формула условий деонтологического обоснования может быть выражена так (воспользуемся определением Ноттельмана, представляющим схематично обобщенное выражение позиции Олстона):

$DCEJ_{\text{permission}}$: *Необходимо, что агент S в момент времени t обоснованно поддерживает убеждение в том, что p, если и только если в момент времени t поддержание убеждения в том, что p, разрешено нашими эпистемическими принципами* [Nottelmann, 2013, 2022].

Данная формула по смыслу конгениальна одной из формул, предложенных М.Стиапом, - деонтологически обоснованное убеждение определяется как убеждение, поддержание которого в нормативном смысле *разрешено*, т.е. не нарушает никаких требований, запретов и ограничений, установленных на основе норм, выражающих императивы познавательной целесообразности:

J_{d1} : *S обоснованно убежден, что p =df В данном случае S не должен воздерживаться от того, чтобы поддерживать убеждение в том, что p* [Steup, 2012, 461].

Однако, по критическому замечанию Ноттельмана [Nottelmann, 2013, 2226], основная проблема с раскрытием принципа деонтологической обоснованности в рамках стратегии эпистемической легализации убеждений, основанной на разрешении культивировать убеждения, при условии, что не нарушаются соответствующие эпистемические нормы и принципы, заключается в том, что подход, основанный на идее разрешения, т.е. положительного нормативно-оценочного санкционирования, в целом не позволяет выделить какие-либо уникальные признаки, по которым ДКО можно однозначно отличить от альтернативных - недеонтологических концепций обоснования, в которых убеждения также приобретают положительный эпистемический статус, если соблюдаются соответствующие принципы, получающие спецификацию в системе критериев обоснованности. Так, например, убеждение

можно считать обоснованным, если соблюдается принцип, нормативно-критериальное содержание которого раскрывается в парадигме эвиденциализма:

DCEJ_{permission,evidentialist}: *Необходимо, что агент S в момент времени t обоснованно поддерживает убеждение в том, что p, если и только если в момент времени t поддержание убеждения в том, что p, разрешено принципом, требующим, чтобы убеждения поддерживались на основе адекватных свидетельств истинности.*

Получается, что эвиденциализм с полным основанием можно классифицировать как теорию с выраженным деонтологическим профилем. И такой же вывод можно было бы сделать относительно теории, полагающей убеждения обоснованными, поскольку они разрешены принципом, требующим полагаться при формировании убеждений на механизмы и процессы, которые являются когнитивно надежными.

Альтернативная формула определения деонтологической обоснованности убеждений основывается на понятии безупречности, является более аутентичной и восходит к положению К. Гине [Ginet, 1975, с. 28], общий смысл которого в том, что *убеждения следует считать эпистемически обоснованными, если (и только если) в том, что субъект поддерживает эти убеждения, нет ничего предосудительного, заслуживающего порицания*, что означает, что субъект, поддерживая такие убеждения, *безупречен*, т.е. не нарушает никакие установленные для него интеллектуальные обязательства, выполнение которых полагается необходимым с точки зрения познавательной целесообразности, что запечатлено в соответствующих нормах. Следуя этому концептуальному контуру, Олстон также производит экспликацию принципа деонтологической обоснованности, принимая за основу понятие «свободы от вины за поддержание определенных пропозициональных установок» [Alston, 1989, с. 152]. На этой основе выводится вторая каноническая формула определения условий деонтологического обоснования:

DCEJ_{blame}: *Необходимо, что агент S в момент времени t имеет обоснованное убеждение в том, что p, если и только если S безупречен в приверженности убеждению в том, что p, в момент t* (т.е. не нарушает никакие интеллектуальные обязательства, но следует эпистемическому долгу, практикуя ответственный подход к культивированию собственных убеждений - Авт.) [Nottelmann, 2013, с. 2221].

В качестве концептуальной универсалии в системе семантически однородных понятий, раскрывающих принцип деонтологической обоснованности, можно выделить понятие *безупречности*: убеждение следует считать обоснованным в деонтологическом смысле, если и только если это формирование и/или поддержание этого убеждения является делом ответственного отношения субъекта к обоснованно вменяемым ему интеллектуальным обязательствам. Безупречность в следовании эпистемическому долгу полагается главным конституентом деонтологической обоснованности тех пропозициональных установок, формирование и поддержание которых зависит от активной позиции субъекта и находится в границах его когнитивных компетенций.

Для целей настоящей работы достаточно принять за основу реконструкции условий деонтологического обоснования представление, что в рамках деонтологического подхода эпистемический статус убеждений оценивается исходя из того, насколько *безупречно* субъект выполняет свои *интеллектуальные обязательства*, содержание которых определяется на основе того, что принимается за норму, значимую постольку, поскольку в ней заключен принцип оптимизации условий достижения эпистемически значимых целей. Деонтологическая концепция обоснования (ДКО) выводит конкретное *содержание обязательств* на основе

нормативной спецификации абстрактно-всеобщего представления о базовом императиве, определяющем *долг субъекта познания*, который заключается в том, чтобы в границах своих когнитивных способностей и возможностей, выявляемых в той или иной познавательной ситуации, *делать все*, что обоснованно полагается необходимым и нормативно значимым для того, чтобы обеспечить прогресс в деле достижения такой фундаментальной цели, как *максимизация истинности и минимизация ложности в наибольшем массиве убеждений*. Так, основное обязательство в одном случае может состоять в том, чтобы воздерживаться от полагания, что *p*, при отсутствии достаточных для этого оснований, и принимать то, что представляется явной импликацией пропозиции, составляющей предмет уже достаточно обоснованного убеждения [Alston, 1989, 86], а в других случаях – в том, чтобы поддерживать только такие убеждения, которые базируются на адекватных эвиденциальных основаниях, или когерентны системе знания и другим убеждениям, а также убеждения, основания для сомнения в истинности которых отсутствуют, или такие, которые сформированы способом, который является в целом надежным (обеспечивающим формирование в большинстве случаев истинных убеждений) и т.д. Содержание обязательств особым образом отражает диспозиции конкретных норм доксистически продуктивной активности субъекта, подчиненной принципу познавательной телеологии.

Наконец, различаются две стратегии определения объема релевантных интеллектуальных обязательств и квалификации на этой основе безупречности позиции субъекта в отношении к собственным убеждениям, выступающей основным конституентом деонтологической обоснованности. Одна стратегия основывается на принципе “*Debes, ergo potes*” («Должен, значит можешь»), - для утверждения безупречности достаточно, что субъект не нарушил ни одного из интеллектуальных обязательств, которые можно было бы оправданно вменить ему, исходя из понимания того, что на что он способен и *что разумно ожидать от него в той или иной ситуации*. На эту стратегию изначально ориентируется У.Олстон, развивая критику деонтологической концепции обоснования. Другая стратегия основывается на определении объема обязательств, исходя из той объективной роли и статуса, которые обоснованно можно было бы приписать субъекту, например, статуса рационального агента и роли субъекта познания. Раскрывая один из смыслов “долженствования”, который выражается императивом правильного выполнения определенной роли, Р. Фельдман выделяет особую категорию обязательств, которые обозначаются термином «ролевые обязательства». Так, например, человек исполняет обязательства, подходящие роли рационального агента и субъекта познания, если культивирует свои убеждения, полагаясь всецело на разумные доводы и доступные свидетельства истинности, - «в этом состоит правильный способ выполнения данной роли. [...] Ни одно из утверждений относительно того, что человек “должен” в плане выполнения определенной роли, не является истинным в силу того, что является нормальным. Они зависят от того, что является правильным или наилучшим (способом выполнения предписанной роли – Авт.). [Feldman, 2008, с. 351]. Данные стратегии можно соотнести в рамках единого алгоритма: на первом шаге определяется сферу должного для субъекта, исходя из его роли как познавателя, что предполагает введение стандартов доксистической дисциплины, состроенных с нормами реализации познавательного отношения, заданными независимо от контекста, - за стандарт принимается такой тип или способ культивирования убеждений, который способствует достижению эпистемически значимых целей; далее, исходя из презумпции рациональной агентивности субъекта, априорно необходимой для установления каких-либо обязательств, *относительно принятого стандарта* намечается зона ответственности субъекта, - на основе

классического принципа “Debes, ergo potes” («Должен, значит можешь») для субъекта устанавливается комплекс релевантных интеллектуальных обязательств, исполнение которых при формировании и поддержании убеждений рассматривается как конститутивное условие обоснования убеждений в деонтологическом смысле.

Проблематизация истинностной проводимости деонтологического обоснования: классический аргумент от эпистемической обделенности

У. Олстон показывает, что деонтологическая концепция обоснования не отвечает стандартным нормативно значимым представлениям о том, какой должна быть концепция, собственно, *эпистемического* обоснования, имея в виду ожидания, индуцированные программами нормативной эпистемологии, в которых с различных позиций тематизируется связь обоснованности и истинности и выдвигается требование *истинностной проводимости обоснования*. Если в содержание понятия эпистемического обоснования входит такой признак, как истинностная проводимость, то есть установление адекватной, неслучайной связи полаганий с такими основаниями или условиями, которые повышают вероятность того, что полагания (убеждения, допущения, представления, теории и т.д.) являются истинными, то деонтологическое обоснование не соответствует этому понятию, поскольку не может обеспечить то, в чем с позиций нормативной эпистемологии состоит ключевая функция обоснования – оценивать убеждения, исходя из наличия или отсутствия таких оснований, в которых заключаются надежные индикаторы вероятной истинности этих убеждений. В этом смысле деонтологическое обоснование не обладает качеством истинностной проводимости: «мы можем сделать все, что в наших силах, или, по крайней мере, все, что от нас можно разумно ожидать, и все равно оказаться в очень плохом эпистемическом положении, поверив в то, что *p*; мы можем безупречно верить в *p*, имея для этого совершенно плохие основания». [Alston 1989, 96].

Таким образом, одно из магистральных направлений критики ДКО выразилось в демонстрации того, что применение деонтологически определенных критериев обоснованности, таких как безупречность в плане выполнения интеллектуальных обязательств, само по себе не позволяет выявить надежные индикаторы вероятной истинности содержания возможных убеждений. Иными словами, деонтологическое обоснование не является истинностно-проводимым, ибо интеллектуальная безупречность, предполагающая исполнение обязательств в том объеме, какой разумно было бы вменить субъекту, руководствуясь формулой “Debes, ergo potes” («Должен, значит можешь»), сама по себе не является гарантией положительного эпистемического статуса и не повышает вероятность того, что усваиваемые так убеждения являются истинными.

Возможны ситуации, в которых все то, что составляет предмет обязательств, *ограниченных тем, что разумно было бы ожидать от субъекта*, исполнено, но это не означает, что в отношении собственных убеждений была достигнута именно такая позиция, которая является благоприятной для достижения эпистемически значимых целей, а в пределе – для установления истины. В качестве примеров такого рода ситуаций, в которых обнаруживается расхождение деонтологической обоснованности с истинностной проводимостью, Олстон указывает на случаи формирования и поддержания убеждений в условиях *культурной изоляции*, а также на случаи, когда субъект пытается выработать понимание некоторых принципов при фактической

ограниченности когнитивных способностей.

Так, в условиях культурной изоляции объективная возможность, как и мотивация к тому, чтобы поддерживать убеждения на основаниях, альтернативных тем, которые дают сложившиеся традиции и практики, если не исключена, то существенно ограничена, - субъект, действующей по схемам, усвоенным из жизни изолированного сообщества, *формально безупречен в отношении к собственным убеждениям*, поскольку *делает все, что было бы разумно ожидать от него* в такой ситуации, но его убеждения формируются на основе, которая не вполне надежна и не адекватна целям установления истины. Основные параметры такой парадигматической ситуации описываются следующим образом: «S всю жизнь прожил в изолированной первобытной общине, где все безоговорочно принимают традиции племени как авторитетные. [...] S никогда не встречал никого, кто бы подвергал сомнению эти традиции, и они играют ключевую роль в общинной жизни племени. В этих условиях мне кажется очевидным, что S ни в коей мере не виноват в том, что у него сформировались убеждения, основанные на традициях. Он сделал все, что от него было бы разумно ожидать. Его убеждения, например, о происхождении племени, проистекают из того, что, насколько он может судить, является наилучшим основанием, которое только можно иметь для таких убеждений. И все же, предположим, традиции не были сформированы таким образом, который надежно указывал бы на их истинность. S деонтологически оправдан, но он не поддерживает убеждения благоприятствующим установлению истины способом» [Alston, 1988, с. 286].

В случае же *ограниченности когнитивных способностей* получается аналогичный результат: недостаток развития и образования, сопряженный, возможно, с дисфункцией познавательных способностей, не позволяет субъекту осознать, в чем он, возможно, ошибается, а в чем делает шаг на пути к знанию, - однако обвинить субъекта в пренебрежении обязанностями было бы неправомерно, если учитывать, что объем последних определяется не должен превышать то, что разумно было бы ожидать от субъекта. Как в первом, так и во втором случае в модель ситуации вводится определенное оправдывающее обстоятельство, который выступает в роли дисклеймера ответственности.

Формула деонтологического обоснования в отображении на теорию отношений между истинностью и обоснованностью

Аналитический подход к проблеме эпистемологической адекватности деонтологического обоснования, в центре которой – вопрос о том, является ли такое обоснование истинностно-проводимым, предложил Хамид Вахид. Общий смысл деонтологического обоснования Вахид раскрывает вполне канонически: «Утверждать, что убеждение является (деонтологически) обоснованным (Jd), значит утверждать, что, придерживаясь этого убеждения, познающий не нарушил никаких эпистемических обязательств, что он был эпистемически ответственен и не достоин порицания или осуждения» [Vahid, 1998, 286]. Реконструируя концептуальную формулу условий деонтологического обоснования, Вахид следует Олстону, который выделяет различные формы (модальности) эпистемических обязательств и показывает, что содержание последних может определяться вариативно - в зависимости от того, что в эпистемологически-фундаментальном смысле принимается за норму и правило, следование которым является конститутивным для обоснования. Так, за основу определения предмета обязательств можно принять парадигматическое представление ($J^{evidence}$), согласно которому наш эпистемический долг состоит в формировании убеждений на основе адекватных доказательств или свидетельств;

альтернативным образом содержание обязательств можно выразить требованием установления когерентности ($J^{\text{coherence}}$) или требованием формирования и/или отбора убеждений посредством задействования надежных когнитивных механизмов ($J^{\text{reliability}}$), допускающих в той или иной мере мониторинг и контроль, и т.д.. В плане формального анализа понятия эпистемического долга Олстон показывает, что обязательства можно понимать в *объективном, субъективном, когнитивном и мотивационном* смыслах, что обуславливает многомерность деонтически направленной экспозиции условий обоснования.

Допустим, основное эпистемическое обязательство состоит в том, чтобы полагать, что p , т.е. поддерживать убеждение в том, что p , если для этого имеются адекватные основания - аргументы или свидетельства в пользу того, что p . Тогда:

S в деонтически-*объективном* смысле обоснованно полагает, что p , что означает, что S , полагая, что p , не нарушает *объективных* обязательств, если и только если S объективно располагает адекватными свидетельствами в пользу того, что p .

S в деонтически-*субъективном* смысле обоснованно полагает, что p , что означает, что S , полагая, что p , не нарушает *субъективных* обязательств, если и только если S просто *верит* в то, что он располагает адекватными свидетельствами в пользу того, что p .

Из формально различных типов обязательств именно *когнитивный тип* выделяется Олстоном как наиболее адекватный для выведения концептуальной формулы деонтологического обоснования [Alston, 1989, с. 88-89]:

(J_d^{Cogn}) S в деонтически-*когнитивном* смысле обоснованно полагает, что p , что означает, что S , полагая, что p , не нарушает *когнитивное* обязательство, если и только если S *убежден*, что у него имеются адекватные основания для того, чтобы полагать, что p , и это метаубеждение относительно наличия оснований для исходного убеждения является достаточно обоснованным.

За основу истолкования принципа деонтологической обоснованности Олстон принимает здесь именно понятие *безупречности субъекта в отношении своих интеллектуальных обязательств*, но это понятие дает лишь формальный критерий для оценки позиции субъекта в отношении к усваиваемым и поддерживаемым убеждениям, - безупречность как свобода от предосудительных свершений и состояний может быть истолкована как в отрицательном, так и в положительном смыслах. Именно *в границах исходного понятия безупречности как оценочной атрибуции доксистических диспозиций субъекта выстраивается аргумент в пользу исключительной релевантности когнитивного типа обязательств*: «И даже если у меня нет адекватных свидетельств в пользу того, что p , меня вряд ли можно обвинить в том, что я верю, что p [...], при условии, что я оправданно полагаю, что у меня есть адекватные свидетельства.» [Alston, 1989, 89]. Достижение такой когнитивно-деонтической безупречности представляется стандартом, в котором наиболее адекватно раскрывается нормативное содержание понятия деонтологического обоснования. Тогда оптимальным выражением формулы условий такого обоснования является следующее положение:

(J_d) S *деонтологически обоснованно* убежден, что p , если и только если S *обоснованно убежден*, что у него имеются адекватные основания для того, чтобы полагать, что p .

Однако, анализ формулы условий деонтологического обоснования (J_d) закономерно подводит к вопросу о том, в каком смысле обоснованным является метаубеждение субъекта относительно наличия адекватных оснований для исходного убеждения/полагания. Если обоснованность этого метаубеждения истолковывать в деонтологическом смысле, применяя тот же самый стандарт когнитивно-деонтической безупречности, то возникает круг в определении

и обнаруживается тенденция к регрессу, что делает несостоятельным проект рационального объяснения того, при каких условиях полагания субъекта следует считать деонтологически обоснованными. Хамид Вахид полагает [Vahid, 1998, 289], что если учитывать соображения, по которым Олстон счел неправильным замыкание концепции J_d на принцип выполнения объективных обязательств, то остается допустить, что обоснованность метаубеждения относительно наличия адекватных оснований для исходных убеждений следует истолковывать в том недеонтологическом смысле, который вполне определенно раскрывается «оценочной» концепцией эпистемического обоснования, выдвигаемой Олстоном в качестве альтернативы деонтологическому подходу. Основной принцип оценочной концепции обоснования (J_e) выражается следующим нормативным положением:

(J_e) Убеждение S в том, что p , является обоснованным, если и только если полагать, что p , является правильным с эпистемической точки зрения, в том смысле, что убеждение S в том, что p , базируется на адекватных основаниях, и у S нет достаточных причин, чтобы придерживаться иного убеждения [Alston, 1989, 105-106].

Принцип J_e вводится в формулу условий деонтологического обоснования:

(DJ_d) S деонтологически обоснованно убежден, что p , если и только если S J_e -обоснованно убежден, что у него имеются адекватные основания для того, чтобы полагать, что p .

Концептуальная апория предложенного Олстоном определения условий деонтологического обоснования

В порядке метарфлексии заметим, что если для определения условий деонтологического обоснования на базовом уровне используются постулаты *оценочной концепции обоснования*, то происходит концептуальная редукция, - нормативное содержание деонтических концептов раскрывается посредством терминов, значение которых определяется в парадигме принципов эпистемически-оценочного подхода, который *полагается* Олстоном в основу концепции обоснования, альтернативной деонтологической. Если условия J_d нельзя определить без концептуальной редукции, то это дает основание для сомнения в том, что деонтологическая концепция обладает самостоятельным эпистемологическим статусом и является альтернативной иным – недеонтологическим концепциям обоснования. Аналогичную трудность концептуального плана высветил Ноттельман, когда исследовал спектр импликаций принципа деонтологической обоснованности, истолкованного в смысле *эпистемической дозволенности* полагать так, как следовало бы, если бы субъект выполнял свой интеллектуальный долг, который состоит в том, чтобы придерживаться каких-либо убеждений только в том случае, если это *дозволено с точки зрения таких стандартов*, как, например, эвиденциальная основательность в смысле наличия рациональных доводов и эмпирических свидетельств, подкрепляющих это убеждение: «Фраза: "С эпистемической точки зрения, S должен верить в то, что p " имеет смысл, поскольку говорит, что в той мере, в какой рассматриваются только имеющиеся у S эпистемические причины за и против того, чтобы верить в p , S может с полным правом продолжать поддерживать убеждение в том, что p . Другими словами, соответствие тому, что является эпистемически должным, обеспечивает pro tanto причину для того, чтобы считать убеждение допустимым. Но это не означает, что убеждение [...] остается допустимым в деонтическом эпистемическом смысле, независимо от весомости неэпистемических причин, говорящих против ее допустимости [Nottelmann, 2013, 2223]. Ноттельман представил эту апорию как одно из оснований для утверждения

эпифеноменальной избыточности деонтологической концепции обоснования по отношению к другим концепциям, представленным в программах нормативной эпистемологии. Вахид также замечает эту концептуальную трудность «стратегического плана», за которой скрывается, возможно, внутренняя непоследовательность позиции Олстона, но сознательно подвешивает вопрос о том, как справиться с проблемой демаркации деонтологической концепции от альтернатив, развиваемых в русле того оценочного подхода, который не предполагает использование деонтических терминов для раскрытия смысла и определения критериев обоснованности.

Эпистемологическая рационализация возможностей расхождения деонтологического обоснования с обоснованием истинностно- проводимым

Хамид Вахид подходит к анализу формулы (DJ_d) через экспликативное отображение приводящего условия J_e-обоснованности метаубеждения на принципы эпистемологических теорий, которые сходятся в плане концептуализации отношения между обоснованностью и истинностью. В развитии программ современной эпистемологии прослеживается тенденция к преодолению Картезианского представления, согласно которому обоснованность логически имплицитно подразумевает истинность. Построение эпистемологической теории на основе развития этого представления становится индуктором локального скептицизма, распространяемого на сферу эмпирических знаний. Оправданность скептической установки в отношении к классу контингентных положений, которые, как правило, являются предметом эмпирически основательных убеждений, объясняется тем, что такие положения и соответствующие им убеждения не удовлетворяют высоким стандартам достоверности, составляющим необходимое условие знания, но использование этих стандартов реанимирует, по сути, платонический мотив отграничения знания от мнения, предельным выражением которого является тенденция к замыканию объективно доступного знания на сферу необходимых истин. Последующий пересмотр позиций Картезианского фундаментализма и развитие критически ориентированных стратегий эпистемологического анализа, представляющих *фаллибилизм* и *пробаблизм* допущениями, оправданными с точки зрения реконструкции условий роста знания, актуализировали и продемонстрировали, в числе прочего, принципиальный отказ от неоправданно сильного представления, что для всякой категории знания концептуально истинным является положение, что «обоснование, достаточное для того, чтобы обеспечить нам знание, должно гарантировать истинность того, во что мы верим» [Lehrer, 1974, с. 79]. Проблема Геттиера, демонстрирующая необходимость пересмотра классической концепции знания как обоснованного истинного убеждения, выдвинута именно в русле этой тенденции развития эпистемологии: принятие допущения, что обоснование для широкого класса пропозиций, не замкнутых в дедуктивную логическую систему, не гарантирует истинность, но выявляет релевантные факторы и обеспечивает индикаторы *вероятной* истинности, *не исключая того, что обоснованное положение может оказаться ложным*, мотивирует эпистемологов к тому, чтобы восполнить условие обоснованности (например, через принцип исключения ложных посылок или иммунизацию обоснования от дефиторов), или заместить обоснование новыми условиями, выполнение которых обеспечивает обращение убеждений в знание (например, теория «надлежащей функциональности» и «гарантирующего условия» А. Плантинги) [Галухин, 2019, с. 124-134].

У.Олстон также разделяет позицию эпистемологов, которые принципиально воздерживаются от допущения, что обоснованность имплицитно подразумевает безусловные гарантии истинности для всякого рода убеждения, имеющего надлежащее обоснование: базируемость убеждений на адекватных основаниях, как и надежность когнитивных процессов, посредством которых убеждения формируются, являются условиями, *достаточными* для того, чтобы квалифицировать пропозиции, которые составляют предмет возможных убеждений, как вероятно истинные. Но если исходить из общего эпистемологического положения, что *обоснованность не имплицитно подразумевает истинность с логической необходимостью*, и применять это положение к анализу формулы условий деонтологического обоснования (DJ_d), правильной частью которой является утверждение J_e-обоснованности метаубеждения относительно базируемости убеждения на адекватных эвиденциальных основаниях, то станет достаточно очевидным, что выявленная Олстоном *проблема истинностной проводимости деонтологического обоснования*, свидетельствующая о том, что такое обоснование якобы утрачивает эпистемический статус, *заложена изначально в тех диспозиционных свойствах самого эпистемического обоснования*, которые проявляются, когда обоснованное метаубеждение субъекта относительно наличия адекватных оснований для поддерживаемых им убеждений, оказывается ложным: в результате, субъект может деонтологически оправданно придерживаться убеждения, что p, поскольку не нарушает когнитивных обязательств, обоснованно полагая, что для этого убеждения имеются адекватные основания, но это же убеждение может быть не обоснованным по критериям той оценочной концепции, которую Олстон представляет как эпистемологически адекватную. Таким образом, Вахид показывает, что «возможность разрыва между деонтологическим обоснованием и обоснованием, которое является истинностно-проводимым, просто вытекает из неспособности эпистемической обоснованности иметь своим логическим следствием истинность и из особой формы (DJ_d), которая предполагает обоснование убеждения более высокого порядка в адекватности оснований для исходного убеждения» [Vahid, 1998, с. 291-292]. В результате анализа Вахид приходит к выводу, что «Олстон заблуждается, прослеживая "источники расхождений" между конкурирующими концепциями обоснования в случаях, связанных с культурной изоляцией и недостатком когнитивных способностей. Эти случаи лишь иллюстрируют, как эти концепции могут расходиться» [Vahid, 1998, с. 292].

Вполне возможны такие ситуации, в которых выполняются условия, определенные в формуле деонтологического обоснования (DJ_d), но DJ_d расходится с *оценочным* обоснованием, которое, по своему понятию, является *истинностно-проводимым*, и такое расхождение является частным следствием того, что истинность (применительно к условиям эмпирических знаний) не является свойством пропозиций или убеждений, логически имплицитным и эпистемологически гарантированным обоснованностью. Но есть основания полагать, что Олстон на примере случая культурной изоляции и когнитивной неполноценности все же моделирует *иные ситуации*, чем та, которая соответствует формуле деонтологического обоснования, выведенной Вахидом на основе анализа позиции Олстона. Так, можно представить, что метаубеждение M относительно наличия адекватных оснований, разрешающих исходную диспозицию в устойчивое убеждение X, может быть обоснованным по стандартам предложенной Олстоном оценочной концепции, - это означает, что формируя метаубеждение M, субъект использует *правильный эпистемический принцип для распознавания оснований и оценки их адекватности*, и следовательно, исходное убеждение X следовало бы признать эпистемически обоснованным, но оно все же может оказаться ложным

(обоснованность не имплицитно подразумевает истинность). Метаубеждение относительно того, что для исходного убеждения *X* имеются основания, достаточно индикативные в отношении истинности, само, имея достаточное обоснование, может оказаться *ложным*, когда получены *новые данные и установлены факты*, которые не были до определенного момента доступны, а теперь они учтены и занесены в эвиденциальную базу. Во-первых, метаубеждение это в *оценочном* смысле следует признать обоснованным, если формирование его соответствует *эпистемологически обоснованному стандарту*, устанавливаемому в качестве нормы поиск адекватных оснований для исходных убеждений, и по ряду косвенных признаков можно установить, что применяется этот стандарт в целом правильно (относительность интерналистского обоснования, зависимость от доступной информации). Во-вторых, такое метаубеждение обосновано и с *деонтологической точки зрения*, если субъект руководствуясь объективно правильным пониманием того, в чем состоят адекватные основания для убеждений, при оценке оснований для убеждений собрал все эвиденциально начисленные данные и учел всю релевантную и *доступную ему* на данный момент информацию.

Но в ситуации, моделируемой Олстоном, оказывается, что *критериально-регулятивный принцип*, применяемый для оценки обоснованности убеждений, исходя из того, насколько поддержание таких убеждений является безупречным, в объеме своих импликаций является амбивалентным. Дело в том, что показателем деонтологической обоснованности служит то, насколько ответственно субъект следует эпистемическим нормам, индуцирующим обязательства, но эти нормы, *как он их понимает* (соотнесенность с авторитетом традиции), изначально эпистемологически *неправильны*, поэтому безупречное следование таким нормам не позволяет сформировать убеждения на истинностно-проводимой основе; но субъект безупречен, ибо культурная изоляция служит оправдывающим обстоятельством, и получаются, что убеждения деонтологически обоснованы вследствие невинного, как, по-видимому, предполагает Олстон, заблуждения, но эпистемически – нет.

Контекстуальная зависимость деонтических оценок vs транскультурная нормативность познавательных стандартов

Для решения проблемы эпистемологической адекватности ДКО принципиальное значение имеет вопрос: можно ли придать положительный эпистемологически релевантный смысл понятию деонтологического обоснования, если допустить, что мерой деонтологической обоснованности убеждений является безупречное выполнение обязательств, вытекающих из норм, которыми руководствуется субъект и которые изначально не являются эпистемологически правильными? Имеет ли смысл устанавливать обязательства для субъекта следовать при формировании и поддержании убеждений нормам рациональной познавательной дисциплины, если изначально известно, что от этого субъекта неразумно ожидать адекватного уяснения значения этих норм и понимания того, в какой мере те нормы и правила, которыми он руководствуется в действительных ситуациях, являются эпистемологически правильными?

Представители культурно изолированного сообщества формируют определенное метаубеждение, но также ошибаются относительно наличия адекватных свидетельств истинности сообщений об истории их сообщества. И ошибка эта *не есть простое следствие того, что обоснованность не гарантирует истинность, и не есть результат сознательного пренебрежения эпистемическими нормами и интеллектуальными обязательствами*, - когда встает проблема определения того, какие представления и убеждения считать обоснованными

и что принимать за истину, представители сообществ могут *безупречно* следовать принятым в сообществе, т.е. санкционированным традицией *стандартам, нормам и правилам*, какие они усвоили в процессе социализации и образования. Но вряд ли *нормы и правила*, применяемые людьми в условиях культурной изоляции при формировании убеждений относительно прошлого их сообщества, можно признать *правильными с эпистемологической точки зрения*. Следовательно, в абстрактном деонтологическом смысле, а именно - в смысле соблюдения круга интеллектуальных обязательств, определенного релевантно усвоенным нормам локальной познавательной культуры, поддержание такого рода убеждений является оправданным, т.е. *достаточно разумно ожидать от членов культурно изолированного сообщества, что они будут культивировать убеждения на основе интуитивного доверия традиции*, но эпистемологически убеждения, формирующиеся на этой основе, нельзя считать обладающими положительными эпистемическими качествами (даже если вопреки допущению Олстона рассматривать содержание традиции как результат разумного отбора, саму традицию – как механизм передачи того, что уже практически удостоверено в своей истинностной значимости, для оценки позиции субъекта в отношении к убеждениям, формируемым на основе доверия к традиции, существенно то, насколько он способен *критически* усваивать это содержание и трансформировать его в условия роста знания).

Перспектива дальнейшего анализа проблемной ситуации, в которой, как представляется Олстону, при достижении деонтологической обоснованности проявляется тенденция к нарушению условия истинностной проводимости, определяется в зависимости от конкуренции альтернативных подходов к истолкованию норм эпистемической рациональности, допускающим экспликацию посредством системы требований, предъявляемых к обоснованию: с одной стороны – это подход Стиапа, конгениальный позиции У. Клиффорда [Clifford, 1987, с. 19-36] и тяготеющий к концепции «ролевых обязательств» Р.Фельдмана [Feldman, 2001, р.87-89], а с другой – подход У.Олстона, основанный на истолковании деонтологической обоснованности в смысле формально понятой безупречности в отношении к ряду релевантных обязательств, подкрепленный соображениями Н.Ноттельмана [Nottelmann, 2007, с. 210-214] и положительно коррелирующий с концепцией «приземленной» рациональности Р.Локки [Lockie, 2916, с. 135-139].

Рациональная агентивность vs эпистемическая обделенность: линия возражений М. Стиапа

Рассмотрим линию развития аргументации, посредством которой обосновывается представление, что члены культурно-изолированного сообщества в деонтологическом смысле *небезупречны*, поскольку есть круг *метаобязательств*, вытекающих непосредственно из *статуса рационального агента*, - если допустить, что субъект обладает этим статусом, то следует также признать его способным к пониманию того, что в вопросах установления истины в принципе неправильно довольствоваться интуитивным доверием традиции, санкционирующей ненадежную практику формирования убеждений. Стиап рассматривает описанную Олстоном ситуацию с формированием убеждений людей в условиях культурной изоляции как аналогичную ситуациям, вполне отличительным для эпохи Средних веков, когда распространены были религиозные предрассудки и мифологические убеждения (например, вера в существование ведьм), которые вписывались в контур мировоззрения людей того времени, но которые нельзя считать обоснованными в соответствии с нормами истинностно-проводимого

обоснования, - в такого рода ситуациях многие убеждения, считает Стиап, культивировались вопреки свидетельствам или без адекватных и достаточных оснований. Более корректным мне представляется утверждение, что убеждения такого рода поддерживались на основе того, что в горизонтах народного сознания воспринималось как очевидное свидетельство, основная же ошибка состояла в том, при определении того, что составляет основание для убеждений, люди следовали эпистемологически *неверному правилу*. Стиап полагает, что «культурная изоляция, или отсутствие возможностей узнать дополнительные, критические мнения, не составляют эпистемически значимого оправдания: «Какими бы мрачными ни были обстоятельства, если агент придерживается убеждения, вопреки свидетельствам истинности, в его силах, учитывая, что он является рациональным агентом, поразмыслить над своим убеждением и тем самым выяснить, что ему лучше отказаться от него или даже согласиться с его отрицанием. Я бы сказал, что быть рациональным агентом предполагает способность выяснить в отношении любого убеждения, имеет ли оно под собой весомые основания» [Steup, 1988, с. 78].

Данная линия аргументации обозначилась в подходе Стиапа к нейтрализации радикальных выводов, какие делает Олстон, развивая критику деонтологической концепции обоснования. Стиап замечает, что «деонтическая оценка имеет свои пределы, как в моральном, так и в эпистемическом измерении. Мы не виним идиотов, сумасшедших и маленьких детей ни за то, что они делают, ни за то, во что они верят. Это просто означает, что мы не считаем их рациональными агентами. Но пока мы имеем дело с рациональными агентами, мне кажется, что убеждения в той же мере, что и действия, являются подходящими объектами для деонтической оценки» [Steup, 1988, p.73]. Основная интуиция Стиапа понятна: при таком высоком уровне доверия традиции и укорененности индуцированных сообществом эпистемологических стандартов субъект вряд ли адекватным образом будет реагировать на фальсификаторы – свидетельства, которые идут вразрез с тем, в чем что убеждает традиция, - Стиап квалифицировал такую догматическую приверженность традиции как естественную, но несовместимую со статусом рационального агента. Следовательно, либо представитель культурно изолированного сообщества не справляется со своей ролью рационального агента т.е. не выполняет свои, как выразился бы Фельдман, объективные «ролевые обязательства», но тогда его *нельзя признать безупречным в глобальном плане следования тому, что положено или предписано ему как рациональному агенту*, даже если его познавательная активность соответствует моделям реализации познавательных отношений, которые приобрели нормативную значимость в локальной культуре сообщества; либо субъект не обладает достаточно развитой культурой критического мышления и теми познавательными компетенциями, которые являются необходимыми атрибутам рациональной агентивности.

Действительно, в ситуации, представленной Олстоном, можно распознать признаки дискредитации статуса рационального агента. Так, если убеждения туземца относительно истории сообщества *оказываются ошибочными*, и это не следствие пренебрежения какими-либо интеллектуальными обязательствами, вытекающими из индивидуально усвоенных норм, формирующих доксистически-познавательную дисциплину членов культурно изолированного сообщества, то наиболее адекватной основой для построения рационального объяснения генеалогии ошибочных убеждений в данном случае является гипотеза, что культивирование убеждений, базирующихся на эпистемически сомнительных основаниях, является следствием *более фундаментальной ошибки концептуального плана* (в условиях культурной изоляции у туземцев сформировалось неверное понятие о том, что может служить надежной основой убеждений, гарантирующей или указывающей в достаточной мере на их истинность). Вполне

закономерно встает вопрос: как вообще человеку, который не владеет элементарным понятием и критерием адекватности оснований для убеждений, и при этом не обладает когнитивными ресурсами и компетенциями, позволяющими оценить, насколько нормы и традиции сообщества обеспечивают надежное руководство для достижения эпистемически значимых целей, можно *вменять интеллектуальные обязательства*, для выполнения которых необходимо правильное понимание специфики допустимых оснований и адекватных условий базированности убеждений, надежности когнитивных процессов и т.д.?

Культурная чувствительность и границы разумно ожидаемого: линия защиты У. Олстона

Олстон, а вслед за ним и Ноттельман, полагает что безупречность позиции субъекта при культивировании убеждений от этого никак не страдает, ибо в указанных обстоятельствах неправильно было бы винить человека за такого рода ошибки, - от человека в условиях культурной изоляции неразумно было бы ожидать выхода за границы норм и схем, индуцированных традицией, скрепляющей культурное сообщество. Субъект *безупречен в том отрицательном смысле*, что его нельзя винить в том, что он формирует и поддерживает убеждения на основе, которая не является надежной, т.е. не «формирует какое-либо из своих убеждений таким образом, чтобы достигалось положение, благоприятное для того, чтобы это убеждение было истинным» [Alston. 1988, с. 285]. Индикатором проблемы истинностной проводимости деонтологического обоснования для Олстона служит тот факт, что достижение безупречности при культивировании убеждений, оцениваемой из перспективы того, что *разумно было бы ожидать от субъекта в данных обстоятельствах*, не сказывается положительным образом на эпистемическом качестве убеждений, т.е. не увеличивает вероятность того, что содержание этих убеждений является истинным. Но является ли экспликация деонтологического концепта безупречности в этом отрицательном смысле эпистемологически адекватной, т.е. соответствует ли это понятие идее безупречного выполнения интеллектуальных обязательств, вытекающих из эпистемических норм, которая положена в основу деонтологической концепции эпистемического обоснования? В рассуждениях Олстона иммунизация безупречности достигается уже за счет использования в качестве аргумента соображений, трансформирующих деонтологические концепты таким образом, что они становятся иррелевантными дискурсу нормативной эпистемологии.

Олстон, со своей стороны, подверг позицию Стиапа критике именно за отсутствие культурной чувствительности и игнорирование принципа разумных ожиданий, который положительно коррелирует с принципом “Debes, ergo potes” и даже предполагается последним. В понимании Олстона, критерием деонтологической обоснованности является безупречность субъекта в плане выполнения того, что он должен сделать для достижения эпистемических целей; но *сфера должного*, сокращается до объема обязательств, который определяется исключительно в рамках того, что *разумно было бы ожидать* от субъекта с учетом его когнитивных способностей, усвоенной им познавательной культуры и той информации, которая доступна ему ситуативно и экзистенциально: «Вполне возможно, что существуют транскультурные эпистемические стандарты, такие как согласованность и надежность, но я не вижу причин полагать, что их достаточно для решения всех вопросов о том, что считать адекватными причинами или основаниями. Напротив, критерии для этого существенно различаются в разных культурах. Суждения об адекватности оснований, которые передаются от

поколения к поколению, будут отличаться в разных культурах. Следовательно, то, что можно разумно ожидать от субъекта в отношении, например, критического рассмотрения убеждений и их оснований, будет отличаться в разных культурах [Alston, 1988, с. 287]. Метаобязательства рационального агента имеют квази-трансцендентальное обоснование, но, как замечает Ноттельман, неразумно было бы ожидать и тем более требовать от субъекта, чтобы в условиях культурной изоляции он вышел за границы нормативной культуры своего сообщества. Иными словами, агент *не заслуживает порицания* за то, что остается в когнитивном сообществе, в котором он сформировался и которое допускает культивирование убеждений на эпистемически сомнительных основаниях, - *в данных условиях было бы неразумно ожидать и неправильно требовать от субъекта*, чтобы он руководствовался нормами рациональности, *отличными от тех, которые интерсубъективно значимы в границах локальной культуры* и которые он усвоил в процессе социализации и инкультурации: «Невозможно представить себе, как вообще он мог предвидеть возможность или с предосудительной небрежностью относиться к риску того, что, не преступая когнитивных границ своего сообщества, он может прийти к (эпистемически) нежелательным убеждениям о прошлом ...» [Nottelmann 2007, с. 212].

Проблема эпистемологической релевантности деонтически-оценочного концепта интеллектуальной безупречности

Олстон оперирует абстрактным понятием деонтологического обоснования, раскрывая его на основе *формально и отрицательно* понятого принципа безупречности («непредосудительности»), который требует, чтобы субъект, культивируя определенные убеждения, не пренебрегал никакими когнитивными обязательствами, релевантно установленными для него, исходя из известного принципа “Debes, ergo potes”, т.е. значимыми в границах того, что является разумно ожидаемым. Так, субъект, при формировании и поддержании убеждений, может быть безупречен в рамках того, что было бы разумно ожидать от него в условиях культурных ограничений и дефицита когнитивных ресурсов, но применение этого принципа, как показывает анализ моделируемых Олстоном ситуаций, *вводит такие дисклеймеры ответственности* (культурная изоляция, когнитивная недостаточность), *которые лишают деонтологическое оправдание эпистемологического смысла*.

Стиап в своих возражениях на аргумент Олстона против деонтологической концепции обоснования, демонстрирующий нарушение принципа истинностной проводимости, прямо указывает на то, что стратегия обоснования безупречности за счет введения оправдывающих обстоятельств, выполняющих роль дисклеймеров ответственности, ведет к изначально неправильному – искаженному пониманию принципа обоснованности: если определять обоснованность (деонтологически) свободу от предосудительных деяний и состояний, истолковывая такую безупречность в сильном смысле (S безупречен в отношении тех убеждений, которые он поддерживает =df S не заслуживает того, чтобы быть обвиняемым в том, какие убеждения он поддерживает - Авт.), то в результате необходимо будет признать следующее положение: «во всех случаях, когда существует какое-либо обстоятельство, которое может служить для субъекта оправданием того, что он делает v, его действие v обоснованно. Но это плохой результат, потому что наличие оправдывающих обстоятельств само по себе не составляет условия, при котором действие v следует считать обоснованным» [Steup, 2012, с. 462].

Расхождение ДО и истинностно-проводимого обоснования возникает только в том случае,

если признается, что убеждения можно считать деонтологически обоснованными, когда *действует дисклеймер ответственности*, подрывающий эпистемологический статус деонтологического обоснования. Но в действительно ли при дисклейминге ответственности можно говорить о деонтологической обоснованности в *положительном смысле* – в смысле *безупречного выполнения того, что объективно требуется и что способствовало бы достижению положительных истинностно значимых результатов*? Ведь операциональный смысл деонтологического обоснования - в ответственном отношении к нормам и безупречном исполнении того, что нормы требуют.

Допустим, что в абстрактном виде для субъекта познания содержание его интеллектуальных обязательств определяется нормой, которая требует, чтобы субъект придерживался только таких убеждений, которые являются *желательными с эпистемической точки зрения*. Дальнейшую спецификацию содержания обязательств можно производить, исходя из конкретных эпистемологических критериев, которые можно использовать для определения того, какое убеждение заслуживает положительной оценки с точки зрения максимизации истинности и минимизации ошибок, т.е. является эпистемически желательным. К основному классу таких критериев Ноттельман, например, относит (ES) базируемость убеждений на эвиденциальной основе, удовлетворяющей требованиям адекватности и полноты (наличие достаточных оснований и надлежащий объем и качество свидетельств истинности), (RP) надежность когнитивных процессов, посредством которых убеждения формируются и поддерживаются, наконец, (RS) разумность придерживаться такого убеждения в данной познавательной-проблемной ситуации, если это способствует достижению истины [Nottelmann 2007, с. 69], - каждый из этих критериев («дезидератов») прямо или косвенно подразумевает или согласуется с общим требованием, что обоснование должно обеспечивать более менее надежные индикаторы истинности или указывать на факторы повышения вероятности того, что убеждения является истинным.

Критика стратегии введения дисклеймеров ответственности как несовместимой с принципами эпистемического деонтологизма

Расхождение деонтологического обоснования с обоснованием, в котором в то или иной форме реализуется условие истинностной проводимости, оказывается неизбежным, если деонтологическую обоснованность истолковывать в смысле *безупречности* – («свободы от предосудительных состояний»), и полагать, что субъект является безупречным, а его убеждения - *деонтологически обоснованными*, даже тогда, когда эти поддерживаемые им убеждения не являются *эпистемически желательными* (то есть, не выполняется ни одно из условий ES, RP, RS), поскольку, есть некое *независимое от воли субъекта оправдывающее обстоятельство или комплекс обстоятельств*, выделение которого является достаточным для того, чтобы оправдать субъекта, полагая, что с *учетом этого обстоятельства* неразумно было бы ожидать от субъекта нечто большего, чем того отношение к пропозициям, которое реализовалось в форме поддерживаемых им убеждений, - в этом смысле субъект деонтологически безупречен, когда поддерживает эпистемически нежелательные убеждения, но это такая безупречность не прибавляет последним достоинства претендентов на статус знания. Такое понимание безупречности допускает Брюс Рассел: субъект нарушает интеллектуальные обязательства, если у него отсутствует «законное оправдание» для того, чтобы придерживаться убеждения вопреки

имеющимся и доступным ему свидетельствам, но является в *отрицательном* смысле безупречным, если такое оправданием имеется [Russell, 2001, с. 34-62]. Но деонтологическое обоснование, которое строится на основе выделения *оправдывающих обстоятельств*, т.е. допускает *использование стратегии выделения дисклеймеров ответственности, может совершенно расходиться с теми ожиданиями и требованиями в отношении к обоснованию, которые формируют ядро программ нормативной эпистемологии*. Допущение использования дисклеймеров ответственности оказывается проблемным с точки зрения программы разработки «правил для руководства ума», и несовместимым с эпистемологической стратегией, в рамках которой предполагается, что обоснование должно способствовать установлению того, какие из пропозиций являются вероятно истинными, т.е. решению вопроса о том, во что следует верить, а от признания истинности каких положений следует воздерживаться.

Стиап реконструирует аргумент Олстона против эпистемологической адекватности деонтологической концепции обоснования следующим образом:

(1) Деонтологическая обоснованность по сути своей – это безупречность, т.е. свобода от состояний, достойных порицания.

(2) Члены культурно изолированного сообщества, разделяющие убеждения относительно прошлого своего народа, сформировавшиеся на основе доверия традиции или иным (подчас, сомнительным с точки зрения установления истины) способом, безупречны в своей приверженности этим убеждениям (ибо в условиях культурной изоляции неразумно было бы ожидать от их нечто иного и большего, чем то, на что они *de facto* способны).

Следовательно:

(3) Убеждения членов сообщества в деонтологическом смысле следует считать обоснованными.

(4) Необходимым условием эпистемического обоснования любого убеждения является наличие оснований, которые повышали бы и надежно указывали бы на вероятность того, что убеждение является истинным (и, добавим, базируемость убеждения на этих основаниях, доступных для распознавания со стороны субъекта, как утверждают интерналисты).

(5) Убеждения членов сообщества не базируются на основаниях, отвечающих критериям, указанным в п. (4).

Следовательно:

Убеждения членов сообщества, которые являются деонтологически обоснованными (п.3.), нельзя квалифицировать как обоснованные в эпистемическом смысле.

Таким образом, деонтологическая обоснованность расходится с обоснованностью в оригинальном эпистемическом смысле.

Аргументированное возражение Стиапа на этот аргумент Олстона состоит в следующем:

Если первую посылку аргумента Олстона истолковывать в «сильном» смысле (Убеждения *S* деонтологически обоснованы, если позиция *S* по отношению к тому, во что он верит, безупречна, в том смысле, что *S* нельзя винить в том, что он поддерживает эти убеждения), то мы получаем совершенно неудовлетворительное с эпистемологической точки зрения следствие: «Если у субъекта есть какое-либо оправдание для того, чтобы придерживаться неразумного убеждения, то его неразумное убеждение обосновано. Но то, что служит обоснованием для убеждения, это свидетельства истинности, а не те условия, которые дают человеку оправдание для того, чтобы верить во что-то глупое» [Steup, 2012, с. 467]. На примере выведения этого следствия, которое никак не согласуется принципом рациональности, видно, что формальное и

отрицательное понимание безупречности ведет к искаженному пониманию принципа обоснованности.

Раскрывая критические импликации этого возражения на аргумент Олстона, можно сделать значимый вывод: в той системе рассуждений, которую выстраивает Олстон, *нарушается принцип эпистемологической релевантности деонтологического концепта безупречности* (непредосудительности позиции субъекта по отношению к вырабатываемым и поддерживаемым убеждениям).

Но первую посылку аргумента Олстона можно понимать и «слабом» (по определению Стиапа) смысле, а именно – в смысле нарушения объективных обязательств, которые вменяются всякому рациональному агенту: S не безупречен в поддержании убеждения, что $p = df S$ не должен полагать, что p . При таком истолковании безупречности сохраняется связь этого критерия деонтологической обоснованности с эпистемически значимыми критериями и нормами, регулирующими процесс формирования и отбора убеждений; по этим критериям убеждения членов изолированного сообщества относительно истории *нельзя признать безупречными*, поскольку это такие убеждения, которые им не следовало бы культивировать, ибо при формировании и поддержании этих убеждений используются методы, которые не способствуют установлению истины и минимизации ошибок. Но это суждение о небезупречности вполне совместимо с утверждением, что члены культурно-изолированного сообщества верят в исторические нарративы совершенно невинно, и в этом культурологически-отрицательном смысле, нейтральном по отношению к установкам эпистемического деонтологизма, позиция их безупречна.

Реабилитация статуса ответственного субъекта познания: наивная иррациональность vs приземленная рациональность

Дивергенция эпистемологически-нормативного и культурологически-релятивного векторов истолкования деонтологического концепта безупречности заставляет более критически отнестись вопросу о том, в каком смысле членам культурно изолированного сообщества можно приписать статус рациональных агентов. Как было замечено выше, подход Олстона тяготеет к концепции «связанной» рациональности, а точнее – «приземленной» рациональности, которую артикулировал и адаптировал к условиям оценки разумности убеждений Р.Локки. Роберт Локки усматривает в позиции Стиапа неоправданную универсализацию абстрактного принципа рациональности, выдвигаемого в рамках классической стратегии деконтекстуализации разумных начал человеческой деятельности, и полагает, что более реалистичным и адекватным для описания познавательно эффективных практик и способов личностной детерминации поведения является перспективистское понятие ограниченной рациональности, которое уже получило применение в поведенческой экономике и психологии, расширив объяснительный потенциал этих наук. Локки пытается развернуть это понятие в концепцию «укорененной» или «приземленной» рациональности и применить эту концепцию к области познавательной деятельности, полагая, что культурные и когнитивные ограничения не составляют препятствие, но являются в определенном смысле значимыми для квалификации рациональности субъекта в плане определения того, каких доксамических установок придерживаться (включая понимание того, какие убеждения являются обоснованными): «Чтобы быть обязательно способной управлять когнитивным поведением, предоставлять "правила для руководства ума",

эпистемология не должна выходить за пределы ресурсов эпистемического агента: тех ресурсов, которые ограничены его собственными интеллектуальными способностями и теми культурными средствами, к которым он имеет доступ на некотором расстоянии от них» [Lockie, 2016, 136]. С позиций перспективизма, предполагающего контекстуальную релевантность, культурную специфичность и когнитивную ограниченность стандартов рациональности, на которые ориентируются и которые применяют в границах познавательного дискурса представители различных сообществ, рациональность можно приписать и членам культурно-автарктичных коллективов, сплоченных на основе общих традиций, авторитет которых не ставится под сомнение, и изолированным от высокой культуры кочевникам, которые, как показали эксперименты Лурии, в виду недостатка развития и образования и/или особого склада мышления не могли сделать логически правильные выводы.

Но Рик Пилс находит аргументацию Локки неубедительной, а выводы в пользу признания рациональности такого рода агентов необоснованными: Если бы члены культурно изолированного сообщества «не пришли к соответствующим выводам (в значительной степени) из-за недостатка образования, то, учитывая, что не от них зависело, что они не получили больше образования, они явно не виноваты в том, что не пришли к соответствующим выводам. Однако почему мы должны думать, что из этого следует, что они были рациональны? Почему бы не считать, что они были невинно иррациональны или что их отношение было невинно нерациональным (вне области рациональности и нерациональности)» [Peels, 2015, с. 46]? В аргументации Локки просматривается диспозиция к отождествлению понятий рациональности и обоснованности, но позиция, допускающая такое отождествление, в современной эпистемологии представляется сомнительной; допустим, разумность убеждения состоит в том, что оно подкрепляется надлежащими свидетельствами, доступными субъекту; но для оценки убеждений с эпистемико-деонтических позиций значимо также то, насколько ответственно и тщательно субъект подходил к формированию эвиденциальной базы для поддерживаемых им убеждений, воззрений и теорий. Развитие понятия «приземленной рациональности», используемого для демонстрации того, что при оценке безупречности субъекта в отношении к интеллектуальным обязательствам, следует учитывать объективную ограниченность когнитивных ресурсов и полагаться на принцип культурно-контекстуальной зависимости эпистемических норм, обнаруживает общую тенденцию к истолкованию рационально значимых процедур и установок, включая те процедуры и установки, посредством которых осуществляется эпистемическое обоснование, в том субъективно-релятивистическом смысле, который оказывается избыточным по отношению к субъективному перспективизму, поддерживаемому деонтологической концепцией обоснования, потому что оценка безупречности субъекта, производимая на основе презумпции его «приземленной рациональности», имеет значение для установления деонтологической обоснованности лишь *в границах допущения возможностей совпадения субъективных и объективных обязательств* (такие возможности раскрывает, например, Плантинга, когда показывает, в каком смысле деонтологические позиции Декарта и Локка мотивируют приверженность интернализму), а для демонстрации этих возможностей необходима именно деконструкция понятия приземленной рациональности, которая позволила бы показать, что ограниченно-рациональный субъект даже в ситуации эпистемической обделенности способен поддерживать ориентацию на адекватные с эпистемологической точки зрения стандарты, что, в свою очередь, предполагает такую «деконтекстуализацию» ситуации, такой, например, как ситуация культурной изоляции,

которая, как следует из рассуждений Локки, налагала бы на субъекта необоснованные гиперобязательства, несовместимые с оригинальной позицией, в которой субъект находится.

Заключение

В данной работе представлен критический анализ аргумента, который ставит под сомнение эпистемологическую адекватность деонтологической концепции обоснования (ДКО). Аргумент от «эпистемической обделенности» разработан для демонстрации того, что выполнение условий деонтологического обоснования допускает нарушение принципа истинностной проводимости, выражающего, согласно парадигматике эпистемологических теорий, одно из базовых требований, которым по идее своей должно удовлетворять эпистемическое обоснование.

Критические следствия аргумента притязают на значимость в границах концептуального поля, заданного *системой понятий*, посредством которых раскрывается условия, имеющие нормативно-критериальное значение для оценки деонтологической обоснованности. Парадигматическими являются версии, основанные на понятиях *разрешения*, *дозволения*, с одной стороны, и версии, основанные на *понятиях ответственности* и *безупречности*, имеющих оценочное значение.

Установлено, что деонтически-оценочное понятие *безупречности*, которое принимается за основу ортодоксальной версии ДКО, допускает неоднозначные интерпретации (безупречность оценивается в плане выполнения субъективных, объективных и когнитивных обязательств) и может быть истолкована как в положительном – идеальном или релятивном, так и отрицательном – абстрактно-формальном (когнитивная невинность, относительно которой Стиап и Пилс обоснованно ставят вопрос о ее совместимости со статусом рационального агента) и когнитивно-содержательном (ненарушение обязательств) смыслах. В операционально-концептуальной структуре рассуждений Олстона, с одной стороны, положительно-релятивный смысл безупречности (исполнение когнитивных обязательств в границах зоны ответственности) выделяется как наиболее подходящий для деонтических оценок, но, с другой стороны, проявляется тенденция к вытеснению этого смысла отрицательным абстрактно-формальным истолкованием понятия безупречности, в итоге это понятие используется для идентификации некоторого пограничного состояния, которую Р.Пилс определил как иррациональную невинность. Таким образом, аргумент Олстона приводит к негативному заключению за счет неоправданной трансформации понятий.

Для деонтической оценки культивируемых субъектом убеждений, положительный модус которой выражается понятием безупречности, должны выполняться два условия: (1) обязательства имеют эпистемически-нормативный фундамент (принцип эпистемически-нормативной релевантности) и (2) устанавливаются для субъекта в объеме, определенном, исходя из принципа “*Debes, ergo potes*” (принцип ограничения зоны ответственности). Основной недостаток представленного Олстоном аргумента от культурной изоляции заключается в том, что при оценке безупречности позиции субъекта в отношении к собственным убеждениям контекстуальная релятивизация критериев этой оценки приводит к нарушению принципа *эпистемически-нормативной релевантности* вменяемых субъекту *обязательств*. Аргументация Олстона нацелена на демонстрацию *возможности* расхождения ДО с обоснованием истинностно-проводимым в ряде типовых случаев, и объясняется такое расхождение тем, что деонтологическая обоснованность зависит от ограничений,

накладываемых контекстом, а свойство истинностной проводимости – способности обоснования представлять надежные индикаторы вероятной истинности убеждений – определяется независимо от контекста. Контекстуальная зависимость стандартов оценки деонтологической обоснованности проявляется в том, что спектр релевантных обязательств определяется исходя из того, что разумно было бы ожидать от субъекта в данном контексте (например, в условиях культурной изоляции), но обоснование того, что является разумно ожидаемым (и определение того, на что субъект способен в данных условиях) строится посредством выделения *оправдывающих обстоятельств*, которые учитываются при оценке того, насколько позиция субъекта в отношении культивируемых убеждений безупречна. Установление же деонтологической обоснованности исключительно за счет выделения оправдывающих обстоятельств, которые выступают дисклеймерами ответственности, *нарушает принцип эпистемологической релевантности деонтологического концепта безупречности*, - стратегия использование дисклеймеров ответственности приводит в пределе к такому сокращению объема обязательств, что эти обязательства лишаются эпистемически-нормативного фундамента.

Для демонстрации амбивалентности посылок, на которых строится аргумент от эпистемической обделенности в той его версии, которая предназначена для доказательства того, что в ситуациях, таких, как ситуация формирования убеждений в условиях культурной изоляции, деонтологическое обоснование не обеспечивает надежное сцепление убеждений с адекватными основаниями признания истинности, я предлагаю следующий аргумент, который можно обозначить как *«аргумент от избыточности интеллектуальных обязательств»*:

(1) Безупречность измеряется в плане выполнения интеллектуальных обязательств, которые (А) вытекают из норм, формирующих познавательно-целесообразную дисциплину культивирования убеждений, и которые (Б) можно обоснованно можно вменить субъекту, руководствуясь принципом “*Debes, ergo potes*”, т.е. исходя из того, что разумно ожидать от субъекта .

(2) Достаточно разумно ожидать от членов культурно изолированного сообщества, что они будут культивировать убеждения на основе интуитивного доверия традиции.

3) Но, как предполагает Олстон, традиция сама по себе не обеспечивает надежную основу для культивирования убеждений, обладающих эпистемическим достоинством (вероятно истинных убеждений).

Ergo: Если от членов культурно изолированного сообщества неразумно было бы ожидать, чтобы они формировали убеждения на когнитивно-надежной основе, то им нельзя вменить в обязанность формировать и поддерживать убеждения на основе, которая гарантирует или увеличивает вероятность того, что это убеждения объективно истинны по своему содержанию. Ни одно из обязательств, вытекающих из эпистемических норм, предписывающих формировать убеждения на адекватной когнитивно надежной основе, нельзя обоснованно вменить субъекту – члену культурно изолированного сообщества. *Как тогда оценивать безупречность и, соответственно, определять, насколько убеждения членов такого сообщества деонтологически обоснованы?* Понятие безупречности, которым оперирует Олстон, настаивая на культурной чувствительности деонтически оценочных квалификаций, вследствие концептуальной трансформации оказывается в итоге формальным и эпистемологически бессодержательным

Таким образом, посредством критики аргумента от эпистемической обделенности проясняются условия реабилитации эпистемологического статуса деонтологического

обоснования, и одно из главных условий выражается следующим принципиальным ограничением, которое, собственно, и было нарушено в развитии рассматриваемого аргумента: при определении круга релевантных обязательств, исходя из принципа «Debes, ergo potes», не следует выходить за рамки императивов эпистемической целесообразности и формулировать критерии безупречности, которые не отражают потенциал действия рационального агента-познавателя, - презумция рациональной агентивности необходимым образом входит в основания назначения эпистемических обязательств.

Изъян позиции Олстона в том, что, с одной стороны, он пытается отстоять статус рационального агента, полагая, что субъект в условиях культурной изоляции может быть рациональным, следуя культурно относительным *нормам и правилам*, но, с другой стороны, неявно допускает, что эти нормы и правила вряд ли можно признать *адекватными с эпистемологической точки зрения*. Если за норму в локальном сообществе ошибочно принимается то, что само по себе не обладает эпистемически-нормативной значимостью, выверенной в познавательной практике, то выполнение обязательств, вытекающих из этих норм, не обеспечивает достижения такой *безупречности*, которая положительно коррелировала бы с истинностной проводимостью. Олстон допускает, что убеждения могут быть деонтологически обоснованными, даже если выработаны на основе сомнительных с эпистемологической точки зрения норм, но тогда разрыв ДО с обоснованием, которое является истинностно-проводимым, неявно предполагается с самого начала.

Одна из линий критики аргумента против ДКО (линия эта отчетливо обозначилась в возражения М. Стиапа) развивается на основе представления о необходимой связи субъективных обязательств с объективными и указывает на проблему, выраженную в форме дилеммы: либо представитель культурно изолированного сообщества не справляется со своей ролью рационального агента т.е. не выполняет свои, как выразился бы Фельдман, объективные «ролевые обязательства», установленные даже в том объеме, которые определяются границами разумно ожидаемого, но тогда его *нельзя признать безупречным в отношении к собственным убеждениям и считать последние деонтологически обоснованными*, либо субъект не обладает необходимыми атрибутами рациональной агентивности, а это значит, что назначение обязательств с выделением зоны ответственности не может быть обосновано, и, следовательно, стандарты деонтических оценок, основанные на использовании таких критериев, как безупречность выполнения интеллектуальных обязательств, не применимы в таком случае.

Но есть и третий вариант, на который обратил внимание Х. Вахид: субъект эпистемически ответственно относится к своим *когнитивным обязательствам*, выполнение которых, согласно формуле условий ДО, выделяемой Олстоном как наиболее адекватная, делает убеждения деонтологически обоснованными, но такое обоснование не удовлетворяет строгим критериям истинностной проводимости в силу такого закономерного отношения между обоснованностью и истинностью, при котором истинность не вытекает с необходимостью из обоснованности. Однако, в настоящей работе мы показали, что ситуации, моделируемые Олстоном, нельзя рассматривать как частный случай ситуаций, в которых субъект, выполняя когнитивные обязательства, невинно ошибается относительно наличия эвиденциальной основы убеждений.

По определению Олстона, S деонтологически обоснованно убежден, что p , если и только если S , полагая, что p , не нарушает никаких когнитивных обязательств, т.е. *J_e -обоснованно убежден*, что у него имеются адекватные основания для того, чтобы полагать, что p . Применение этой формулы к анализу ситуации, представляемой как пример сочетания деонтологической обоснованности с нарушением истинностной проводимости обоснования,

вскрывает еще одну сложную дилемму, которая указывает на несогласованность посылок и допущений, лежащих в основе аргумента. Метаубеждение, что традиция надежный источник знаний, в случае, описываемом Олстоном, ошибочно, что, однако, не исключает, что такое метаубеждение обосновано, - только в этом случае, как показывает Вахид, ситуации, описанные Олстоном, являются частными иллюстрациями общего эпистемологического положения, что обоснованность не имеет логическим следствием истинность.

(1) Допустим, метаубеждение М, что традиция надежный источник знаний, обосновано. Олстон не проясняет, в каком смысле обосновано это эпистемически-рефлексивное метаубеждение, но, чтобы избежать регресса, следует допустить, что оно обосновано не деонтологически, а по стандартам альтернативной - объективно-оценочной теории, которая, по замыслу Олстона должна раскрывать условия истинностно-проводимого обоснования. Значит, в отношении к традиции должна проявляться *общая тенденция к формированию в основном истинных убеждений*, что традиция - надежный источник знаний. Но тогда факт истинностно-проводимой обоснованности метаубеждения не согласуется с допущением, на котором строится модель ситуации, что традиции не были сформированы таким образом, чтобы обеспечивать надежные свидетельства истинности, а именно это допущение положено в основу моделируемой Олстоном ситуации.

(2) Допустим, метаубеждение М не обосновано, - насколько субъект может распознать в пределах доступной ему перспективы и имеющихся ресурсов, традиция является надежной основой для убеждений, которые в пределе могут трансформироваться в знания. Тогда описанная ситуация представляет не случай культивирования убеждений, при котором выполняются когнитивные обязательства, а тривиальный случай *ненарушения субъективных обязательств*, т.е. случай субъективной обоснованности. Следовательно, по стандартам Олстона, убеждения нельзя признать ни деонтологически обоснованными, ни эпистемически обоснованными.

На основе проведенного критического анализа можно сделать обоснованный вывод: аргумент от эпистемической обделенности, развиваемый на основе демонстрации возможностей нарушения истинностной проводимости деонтологического обоснования в ряде парадигматических ситуаций, примером которых является ситуация культурной изоляции, базируется на ряде амбивалентных допущений, допускает неоправданные концептуальные трансформации и в целом не обеспечивает консистентного доказательства того, что деонтологическая концепция обоснования является эпистемологически несостоятельной .

Библиография

1. Галухин А.В. К вопросу о значимости обоснования для реализации условий знания // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Том 8. № 3А. С. 107-146.
2. Галухин А.В. Гносеологические изъяны критики доксистического волонтаризма // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Том 13. № 1А. С. 3-28. DOI: 10.34670/AR.2024.28.28.001
3. Локк Дж. Сочинения в трех томах: Т. 2/Пер. с англ.; Ред-кол.: М. Б. Митин (пред.) и др.— М.: Мысль, 1985.— 560 с.
4. Alston, William P. The Deontological Conception of Epistemic Justification. // *Philosophical Perspectives*. 1988. Vol. 2. Epistemology. Pp. 257-299.
5. Aston, William P. Epistemic Justification. *Essays in the Theory of Knowledge*. Ithaca and London: Cornell University Press, 1989.— 354p.
6. Alston, William P. Beyond “Justification”: Dimensions of Epistemic Evaluation. Ithaca and London: Cornell University Press, 2006. — 256 p.
7. Bonjour L. and Sosa E. Epistemic Justification. Internalism vs. Externalism, *Foundations vs. Virtues*. Malden, Oxford:

- Blackwell Publishing Ltd., 2003. – 248 p.
8. Clifford, William K. *The Ethics of Belief*. // In: Gerald D. McCarthy (ed.) *The Ethics of Belief Debate*, Atlanta: Scholars Press, 1987. Pp.19-36.
 9. Descartes R. *Discourse on Method and Meditations on First Philosophy*. Fourth Edition. Translated by Donald A .Cress. Indianapolis/Cambridge : Hackett Publishing Company, 1998. – 103p.
 10. Feldman, R. *Voluntary Belief and Epistemic Evaluation*. // In: Steup M. (ed.) *Knowledge, truth, and duty: essays on epistemic justification, responsibility, and virtue*. Oxford: Oxford University Press, 2001. Pp. 77 – 92.
 11. Feldman R. *Modest Deontologism in Epistemology*. // *Synthese*. 2008, Vol.161, No. 3. *Epistemic Deontologism* (Apr., 2008). Pp. 339-355.
 12. Ginet, Carl *Knowledge, Perception, and Memory/ Dordrecht, Holland D.: Reidel Publishing Company, 1975. - 212 p.*
 13. Lehrer, K. *Knowledge*. Oxford: Clarendon Press, 1974. – 256 p.
 14. Lockie, R. *Perspectivism, Deontologism and Epistemic Poverty*. // *Social Epistemology*, 2016, Vol.30, №2. Pp. 133-149. DOI: 10.1080/02691728.2014.990281
 15. Nottelmann, N. *Blameworthy Belief. A Study in Epistemic Deontologism*. Dordrecht: Springer, 2007. - 268 p.
 16. Nottelmann, N. *The deontological conception of epistemic justification: a reassessment*. // *Synthese*, 2013, Vol.190. Pp.2219–2241.
 17. Peels, R. (2015) *Let's Bite the Bullet on Deontological Epistemic Justification: A Response to Robert Lockie*. // *Social Epistemology*. Review and Reply Collective. 2015 Vol. 4, №12. Pp. 42-50.
 18. Plantinga, A. *Warrant: The Current Debate*. Oxford: Oxford University Press, 1993. – 228 p.
 19. Pollock John L. and Cruz Joseph. *Contemporary theories of Knowledge*. Lanham, Maryland ; Plymouth, England : Rowman and Littlefield Publishers, 1999. - 262 p.
 20. Russell, B. *Epistemic and Moral Duty*. // In: Steup, M. (ed.). *Knowledge, Truth, and Duty. Essays on Epistemic Justification, Responsibility, and Virtue*. Oxford University Press, Oxford, 2001. Pp. 34–62.
 21. Steup, M. (1988) *The Deontic Conception of Epistemic Justification*. // *Philosophical Studies*. 1988, Vol. 53. Pp. 65-84.
 22. Steup, M. *An Introduction To Contemporary Epistemology*. New Jersey: Prentice Hall, Upper Saddle River, 1996. – 232.
 23. Steup, M. *Justification, Deontology, and Voluntary Control*. // In: Tolksdorf Stefan (ed.) *Conceptions of Knowledge*. Berlin and Boston: De Gruyter. 2012. Pp.461-485
 24. Vahid, H. (1998) *Deontic vs. Nondeontic Conceptions of Epistemic Justification*. // *Erkenntnis*. 1998, Vol. 49, No. 3. Pp. 285-301.

Controversy over the truth-conduciveness of deontological justification: the criticism of epistemic poverty argument

Andrei V. Galukhin

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of History and Philosophy,
Plekhanov Russian University of Economics,
117997, 36, Stremyannyi lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: mystolbard@gmail.com

Abstract

The paper critically examines the "epistemic poverty" argument which is one of the major arguments designed to prove that deontological conception of justification (DCJ) is epistemologically inadequate. W. Alston presented two putative examples of subjects who are deontologically justified but in a poor position to get the truth – the first one is a case of forming beliefs under the conditions of cultural isolation, and the second is a cognitive deficiency" case. Alston assumes that such cases are indicative of the fact that beliefs can be rendered deontologically justified because no intellectual duties are violated and because in fulfilling his or her obligations an

Andrei V. Galukhin

agent has not failed to do anything he could reasonably be expected to do, but such justification is not truth-conducive. The article analyses cultural isolation case as a paradigmatic one and shows that the argument of "epistemic poverty" which addresses this case is based on a number of dubious and even ambivalent assumptions, relies on unjustified conceptual transformations, and generally fails to achieve its goal of demonstrating the insignificance of the epistemological status of DCJ. One set of objections, including those put forward by M. Steup, assume that there must be an adequate connection between subjective and objective obligations. The argument against DCJ faces a dilemma: either a member of a culturally isolated community fails to fulfill a set of objective role obligations induced by the status of a rational agent, and, therefore his or her beliefs does not qualify as deontologically justified, or the subject is irrationally innocent, and that is what makes deontic evaluation of his or her beliefs irrelevant. Qualifying deontological justification of beliefs solely through the reference to the circumstances that prevent the formation of beliefs on an epistemically adequate ground has nothing to do with epistemologically relevant standards of evaluation. Alston insists that deontological standards are culturally sensitive, and this assumption correlates with the strategy of excuses, but in using this strategy Alston inherently allows for a contraction of intellectual obligations that deprives them of their epistemically-normative content. Constructed in this way, the argument from epistemic obfuscation does not provide a demonstration of the epistemological failure of the deontological conception of justification.

For citation

Galukhin A.V. (2024) Spor ob istinnostnoy provodimosti deontologicheskogo obosnovaniya: kritika argumenta ot epistemicheskoy obdelennosti [Controversy over the Truth-Conduciveness of Deontological Justification: The Criticism of Epistemic Poverty Argument]. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 13 (5A), pp. 18-46.

Keywords

Epistemeology, deontological conception of justification, epistemic norms, intellectual duties, truth-conduciveness, rationality, agency, epistemic poverty, belief, knowledge.

References

1. Alston, William P. (1988) The Deontological Conception of Epistemic Justification. *Philosophical Perspectives*, Vol. 2, Epistemology. (1988), pp. 257-299.
2. Aston, William P. (1989) *Epistemic Justification. Essays in the Theory of Knowledge*. Ithaca and London: Cornell University Press.
3. Alston, William P. (2006) *Beyond "Justification": Dimensions of Epistemic Evaluation*. Ithaca and London: Cornell University Press.
4. Bonjour L. and Sosa E. (2003) *Epistemic Justification. Internalism vs. Externalism, Foundations vs. Virtues*. Malden, Oxford: Blackwell Publishing Ltd.
5. Clifford, William K. (1987) The Ethics of Belief. // In: Gerald D. McCarthy (ed.) *The Ethics of Belief Debate*, Atlanta: Scholars Press, 1987, pp.19-36.
6. Descartes R. (1998) *Discourse on Method and Meditations on First Philosophy*. Fourth Edition. Translated by Donald A. Cress. Indianapolis/Cambridge : Hackett Publishing Company.
7. Feldman, R. (2001) Voluntary Belief and Epistemic Evaluation. // In: Steup M. (ed.) *Knowledge, truth, and duty: essays on epistemic justification, responsibility, and virtue*. Oxford: Oxford University Press, pp. 77 – 92.
8. Feldman R. (2008) Modest Deontologism in Epistemology. *Synthese*, Vol. 161, No. 3, Epistemic Deontologism (Apr., 2008), pp. 339-355.
9. Galukhin A.V. (2019) K voprosu o znachimosti obosnovaniya dlya realizatsii uslovii znaniya [On the value of justification in attaining conditions of knowledge]. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke* [Context and

- Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 8 (3A), pp. 107-146.
10. Galukhin A.V. (2024) Gnoseologicheskie iz"yany kritiki doksasticheskogo volyuntarizma [The epistemological flaws of the criticism of doxastic voluntarism]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 13 (1A), pp. 3-28. DOI: 10.34670/AR.2024.28.28.001
 11. Ginet, Carl (1975) *Knowledge, Perception, and Memory*, Dordrecht, Holland D.: Reidel Publishing Company .
 12. Lehrer, K. (1974) *Knowledge*. Oxford: Clarendon Press.
 13. Locke, John. (1985) *Sochineniya v trekh tomah: T. 2* [Works in three volumes: Vol. 2]. Per. s angl.; Red-kol.: M. B. Mitin (pred.) i dr. [Transl. from English; Ed-col.: M. B. Mitin and others], Moscow: Mysl.
 14. Lockie, R. (2016) Perspectivism, Deontology and Epistemic Poverty. *Social Epistemology*, Vol.30, №2, pp. 133-149. DOI: 10.1080/02691728.2014.990281
 15. Nottelmann, N. (2007) *Blameworthy Belief. A Study in Epistemic Deontology*. Dordrecht: Springer.
 16. Nottelmann, N. (2013) The deontological conception of epistemic justification: a reassessment. *Synthese* (2013) , Vol.190, pp.2219–2241.
 17. Peels, R. (2015) Let's Bite the Bullet on Deontological Epistemic Justification: A Response to Robert Lockie, *Social Epistemology. Review and Reply Collective*, 2015 Vol. 4, №12, pp. 42-50.
 18. Plantinga Alvin (1993) *Warrant: The Current Debate*. Oxford: Oxford University Press.
 19. Pollock John L. and Cruz Joseph (1999) *Contemporary theories of Knowledge*. Lanham, Maryland; Plymouth, England : Rowman and Littlefield Publishers.
 20. Russell, B. (2001), "Epistemic and Moral Duty," in: Steup, M. (ed.) 2001, Knowledge, Truth, and Duty. *Essays on Epistemic Justification, Responsibility, and Virtue*. Oxford University Press, Oxford., pp. 34–62.
 21. Steup, M. (1988) The Deontic Conception of Epistemic Justification. *Philosophical Studies*, Vol. 53 (1988), pp. 65-84.
 22. Steup, M. (1996) *An Introduction To Contemporary Epistemology*. New Jersey: Prentice Hall, Upper Saddle River.
 23. Steup, M. (2012) Justification, Deontology, and Voluntary Control. // In: Tolksdorf Stefan (ed.) *Conceptions of Knowledge*. Berlin and Boston: De Gruyter, pp.461-485.
 24. Vahid, H. (1998) Deontic vs. Nondeontic Conceptions of Epistemic Justification. *Erkenntnis*, Vol. 49, No. 3 (1998), pp. 285-301.